

Научная статья

УДК 34.09

DOI DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-2-21-27

Санкционирование, рецепция и систематизация церковного права в практиках Древнерусского государства и Русской православной церкви

Сергей Викторович Хрущёв

Гуманитарный университет

Екатеринбург, Россия

9122958808@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется регулирование социально-правового пространства Древней Руси с принятием христианства княжеской властью и рецепцией византийско-славянского церковного права. Обобщен процесс санкционирования властью славянско-византийских источников церковного права и их применения в деятельности церковных учреждений в делегированных им государством функциях. Автор приходит к выводу, что с развитием церковно-государственных отношений княжеская власть легализует положения церковного права в княжеских церковных уставах и грамотах, которые стали основой для государственного законодательства по делам Церкви в Древней Руси.

Ключевые слова

Древняя Русь, византийско-славянские церковно-правовые источники, санкционирование церковного права, рецепция церковного права, систематизации церковного права, княжеские церковные уставы и грамоты

Для цитирования

Хрущёв С. В. Санкционирование, рецепция и систематизация церковного права в практиках Древнерусского государства и Русской православной церкви // Юридическая наука и практика. 2026. Т. 22, № 2. С. 21–27. DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-2-21-27

Sanctioning, Reception and Systematization of Church Law in the Practices of the Old Russian State and the Russian Orthodox Church

Sergey V. Khrushchev

Humanitarian University

Yekaterinburg, Russian Federation

9122958808@mail.ru

Abstract

The article analyzes the regulation of the socio-legal space of Ancient Rus with the adoption of Christianity by the princely authorities and the reception of Byzantine-Slavic church law. It summarizes the process of sanctioning by the authorities of the Slavic-Byzantine sources of church law and their application in the activities of church institutions in the functions delegated to them by the state. The author concludes that with the development of church-state relations, the princely authorities legalized the provisions of church law in the Princely Church Statutes and Charters, which became the basis for state legislation on church affairs in Ancient Rus.

© Хрущёв С. В., 2026

Keywords

Ancient Rus, church legal sources, sanctioning of church law, reception of church law, systematization of church law, princely church statutes and charters

For citation

Khrushchev S. V. Sanctioning, reception and systematization of church law in the practices of the Old Russian State and the Russian Orthodox Church. *Juridical Science and Practice*, 2026, vol. 22, no. 2, pp. 21–27. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-2-21-27

Принятие христианства князем Владимиром и Крещением Руси в 988 г., признание христианской веры в качестве государственной религии были соединены с включением Русской православной церкви в качестве представителя Константинопольского патриархата с функцией проводника византийского богословия и церковного права в древнерусское социальное и государственно-правовое пространство. Поэтому перед княжеской властью, прежде всего, встали вопросы необходимости введения и согласования церковного правового регулирования с уже функционирующим светским правом – санкционирования и рецепции византийско-славянского церковного права в социально-правовом пространстве Древней Руси. Соответственно, возник и вопрос о формах такой деятельности, осуществляемой как государством, так и церковью. При этом относительно признания пришедшего на Русь церковного права для княжеской власти выбора не было, поскольку «Русская церковь, по самому своему началу становясь филиальной частью православно-восточной церкви и устраиваясь по образу и подобию последней, вместе с тем естественно и неизбежно перенимала от нее и действующий кодекс узаконений», подчеркивает А. В. Карташев [1, с. 153].

Санкционирование и рецепция княжеской властью византийско-славянских источников церковного права Русской православной церкви и их включение в древнерусское правовое пространство в X–XI вв. происходили одновременно путем фактического признания церковно-правовых источников, пришедших вместе с Церковью в Древнюю Русь, – на основе византийского права, в славянских переводах и интерпретациях. Это происходило в условиях, когда принятие христианства и появление Церкви как нового социального института потребовало его встраивания в идеологию, политику и государственно-правовые практики княжеской власти, перераспределения власти между государством и Церковью, появления неизвестной ранее социальной группы – духовенства и новых сфер общественных отношений на основе церковного права. Такие обстоятельства повлекли важнейшие изменения в государственно-правовом развитии Древней Руси и, соответственно, опору княжеской власти на право Русской церкви [2, с. 120–121].

Со стороны княжеской власти во включении церковно-правовых регуляций в древнерусское правовое пространство присутствовало рациональное начало, «поскольку на Руси, с одной стороны, опыт выстраивания отношений светской власти с религиозными институтами до той поры отсутствовал, а с другой – христианство и церковная организация были восприняты из Византии, киевские князья во многом, кроме имущественных вопросов, использовали модель таких отношений, сложившуюся в Византийской империи», по мнению Ю. П. Зуева [3, с. 20]. Социальную базу для распространения церковно-правовых установлений в Древней Руси и изучения местных правовых положений составило духовенство Русской православной церкви. В частности, В. А. Томсинов по данному поводу подчеркивает, что «появление на Руси священников – служителей христианской религии и перевод огромного массива византийской христианской литературы (в том числе канонических сборников и сводов светских правовых норм) на церковно-славянский язык создали новые условия для развития древнерусской юриспруденции. Христианское духовенство с самого начала своего появления на Руси стало выступать здесь в роли носителей не только богословских, но и юридических знаний» [4, с. 169–175].

Русская церковь и духовенство привнесли в Древнюю Русь византийские «юридические понятия» о государственной власти и ее учреждениях, о каноническом и светском понимании и значении закона, законодательстве и формах его систематизации, практиках применения узаконений, юриспруденции и др., что привело к проникновению в высшие слои русского общества византийской государственно-правовой культуры, вызвало обращение к изучению источников церковного права и, кроме прочего, к использованию их в течение длительного времени в национальном государственно-правовом строительстве будущего сложносоставного государства [5]. Тем самым создавалась «юридическая база» для формирования российской юриспруденции, поскольку «в Древней Руси усвоение римского права в форме теоретических идей и некоторых конкретных направлений законодательства началось сразу после принятия христианства» и «придавало этому праву такой же высокий авторитет, как и привходящей богословской мысли», акцентируют внимание В. А. Рогов и В. В. Рогов [6, с. 26].

Санкционирование княжеской властью церковного права Русской православной церкви повлекло признание двух групп церковно-правовых источников. Первую группу составили источники канонического права Церкви, «имеющие церковное (божественное) происхождение»: «Закон Божий, законы или правила Святых Апостолов, святых Вселенских и Поместных Соборов и святых отцов». Вторую группу источников составило «государственное законодательство и церковные правила Византийской империи, рецепция которых была осуществлена в Древней Руси», – собственно оно и являлось византийским церковным правом, прошедшим преломления в своих источниках в деятельности церковных учреждений в славянских странах и использовалось в Древней Руси на основе созданных в Болгарии и Сербии переводов источников церковного права, которыми были Эклога, использовавшаяся под названием «Закон судный людям», Прохирон, Номоканон в двух вариантах – 14 и 50 титулов, Земледельческий закон – Номос георгикос [7, с. 422–431].

Тем самым с образованием Русской церкви в Древнюю Русь X в. пришла уже достаточно развитая и относительно автономная система источников и норм канонического и церковного права, которые начинают тесно взаимодействовать с наличествующими источниками древнерусского права. Источники церковного права, санкционированные княжеской властью, одновременно оказывали влияние на развитие древнерусского права, которое получило образцы законодательных актов и актов систематизации права. Обозначенные процессы положили начало и были связаны с первым этапом в истории формирования системы российского права (IX – середина XVII в.), «в этот период происходило определение общих направлений правового регулирования и зарождение системы законодательства в России». Как заключает С. В. Кодан, «указанный период уходит своими истоками к формированию государственности и позитивного права в Древней Руси и завершается изданием Соборного уложения 1649 г.» [8, с. 16].

Особо подчеркнем, что ход процессов санкционирования источников и рецепции церковного права Русской православной церкви в практиках Древнерусского государства показывает, что в X–XI вв. первоначально сложилось автономное и параллельное сосуществование, развитие и применение источников светского и церковного права. Но, по мере выстраивания отношений между княжеской и церковной властями, ситуация в XI–XIII вв. меняется – санкционирование церковного права начинает определяться и закрепляется государственным законодательством. Характерно, что важнейшее значение в санкционировании церковного права начинают приобретать достаточно самостоятельно происходящие и одновременно взаимодействующие практики упорядочивания церковно-правового материала и создание актов систематизации в сфере церковно-правовых установлений Древнерусским государством и Русской церковью. Г. А. Розенкампф еще в 1829 г. по поводу взаимосвязанности этих процессов констатировал: «История канонического и гражданского права в первых веках Российского государства не могли быть разделяемы. Обе они происходили из одного корня, т. е. из образования народа, которое с начала крещения и постановления иерархии было основано

отчасти на новом устройстве гражданских и духовных властей, и новых правилах законодательства» [9, с. 5–6].

Сложившийся таким образом порядок нашел отражение в создании Русским государством своих актов санкционирования и систематизации правового материала относительно государственно-церковных отношений – княжеских церковных уставов и грамот как источников церковного права государственного происхождения. А в деятельности Русской православной церкви формируются свои акты систематизации источников церковного права – «Кормчие книги» и «Мерило праведного», которые русифицировали источники византийско-славянского церковного права и согласовывали их с древнерусским государственным законодательством с включением в них положений светского права.

Княжеские церковные уставы и уставные грамоты как акты санкционирования и систематизации церковного права Русской Православной Церкви отразили динамику процессов признания и включения церковно-правовых регуляций в русское государственно-правовое пространство уже самой государственной властью. Сложившиеся формы актов указывают на формирование и выделение в древнерусском праве отдельного направления регулирования государственно-церковных отношений с созданием его источников – государственного законодательства по делам Русской церкви. Следует подчеркнуть, что княжеские уставные грамоты и уставы как источники и формы правовых актов в сфере государственно-церковных отношений были приемлемы как для церковного, так и светского права.

Уставы и грамоты как формы церковно-правовых актов пришли в древнерусское государственно-правовое пространство на основе их использования в Византии и славянских странах. Уставы (от старославянского – установление) выступали как главная форма нормативного оформления церковно-правовых установлений, при этом в церковном праве сложились и активно использовались церковные уставы двух типов – мирские и монастырские. Мирские богослужебные уставы создавались для кафедральных соборов и содержали правила совершения служб и определяли правила поведения в храмах. Монастырские уставы регулировали все стороны внутренней монастырской жизни. Грамоты (от греч. Ὑράμμα – письмо, послание) выступали как письменные документы, которые выдавались священнослужителями-епископами пресвитерам и диаконам для удостоверения их права на выполнение церковно-служебных функций [10, с. 7–21].

Княжеские уставные грамоты и уставы использовались княжеской властью в Древней Руси как основная конфигурация санкционирования церковного права и оформления государственного законодательства о Церкви, как «документ, фиксирующий взаимоотношения светской и церковной властей применительно к конкретному случаю в определенном княжестве, на определенное время». Однако княжеские уставы имели более сложный состав – в своей основе они опирались на «первоначальную уставную грамоту или несколько таких грамот» и были документами, обобщавшими «взаимоотношения светской и церковной властей, существовавшие в течение длительного времени и на различных территориях. Этот вид документа содержит меньше конкретных указаний на место и время возникновения, он отличается большей публицистичностью, превращаясь в некоторых обработках больше в памятник идеологии определенных церковных кругов, чем в памятник права. Уставы распространены обычно в большом числе списков и в целом ряде обработок, что связано с широтой их содержания и возможностью использования в различных условиях» [11, с. 10].

Политико-юридические основания издания княжеских церковных уставов, прежде всего, были обусловлены «тесной связью государства и церкви в Средневековье, существованием наряду со светской, государственной властью особой церковной власти митрополита, епископов и их чиновников, которая осуществлялась в общегосударственном и местном масштабах в финансовой сфере, в области управления и суда», подчеркивает Я. Н. Щапов. Также он обращает внимание, что одновременно уставы выступали как своеобразный «договор, определяющий взаимоотношения светской и церковной властей, их функции в государственном управлении

и суде, их место в системе феодальной эксплуатации, участие в сборе и распределении дани, договор, устанавливающий разграничение земельных владений, т. е. соотношение земельных, финансовых и иных интересов государства и церкви». Княжеские церковные уставные грамоты носили нормативно-индивидуальный характер и выступали как акт, «фиксирующий взаимоотношения светской и церковной властей применительно к конкретному случаю в определенном княжестве, на определенное время» и могли быть как определяющими положение относительно церковных дел до издания уставов, так и детализирующими их впоследствии [12, с. 134]. Практическое использование княжеских уставов и приспособление оных к потребностям отдельных княжеств и церковных учреждений повлекло к XI–XV вв. появление их многочисленных редакций.

Устав князя Владимира Святославича «О десятинах, судах и людях церковных» стал первым правовым актом, определившим положение церковной власти в Древней Руси после принятия христианства. Одновременно он являлся и первой государственной систематизацией церковного права Русской православной церкви как форма его санкционирования и интеграции в древнерусское право. Уставу предшествовала грамота 995–996 гг. об учреждении епископских кафедр, выделении десятины церкви Богородицы, установлении церковной юрисдикции и подтверждении для Русской церкви ряда привилегий, которыми пользовалась церковь в Византии. Затем в начале XI в. грамота переработана в первоначальный церковный устав, который продолжал складываться в XI–XIII вв. по мере развития государственно-церковных взаимоотношений, закрепляя и определяя соотношение юрисдикции княжеской и церковной властей. Устав нашел отражение в семи его редакциях, отраженных в более двухсот его изводов – списков. От редакции к редакции Устава в связи с детализацией его положений возрастало и количество статей [13, с. 139–140].

Анализируя на основе издания «Российское законодательство X–XX веков» Устав князя Владимира Святославича, отметим, что в его ранней редакции он состоял из 11 статей, показывающих зарождение государственных практик систематизации церковного права. Прежде всего князь, апеллируя к Богу, указывает на свое право издать данный акт в качестве «великого князя киевского» и крестителя земли Русской, воспринявшего «крещение святое» от византийских императоров Константина VIII и Василия II и патриарха Фотия с принятием от них митрополита Михаила в качестве главы Русской церкви (ст. 1–2). Далее в Уставе указывается на подтверждение признания в качестве источника русского права византийского номоканона – «возрев в греческий номоканон», – определяются княжеские полномочия относительно содержания Церкви и взаимоотношений с ее иерархами. Князь подтверждает выделение на содержание «десятины» от княжеских доходов с особой клятвой князя на такое обязательство и от него и потомков в будущем, с проклятием того, кто это право оспорит. Указывается на княжеский патронат над церковной организацией, а митрополиту предписывается периодически собирать на собор епископов для решения вопросов управления церковными делами (ст. 3–5, 8). Устав фиксирует положения относительно церковного судопроизводства и ограничивает пределы светской юрисдикции, осуществляемые князем, боярами и судьями князя, и закрепляет отказ от вмешательства в церковную юрисдикцию за потомками князя (ст. 4, 6). Территориально юрисдикция церковных судов распространялась на места проживания христианизированного населения, также актом перечислялись подлежащие церковному судопроизводству категории лиц – духовенство, монашество, миряне, исполняющие постоянно обязанности в церкви и находящиеся под патронатом Церкви вдовы, калеки, отпущенные на свободу по завещанию лица (ст. 7). Одновременно назывались категории дел, подлежащие церковной юрисдикции и относящиеся к ряду правоотношений в сфере церковного права – брачно-семейным, имущественным, против веры и церкви и др. (ст. 9–11) [13, с. 139–140].

Как следствие, есть основания считать княжеские церковные уставы первыми актами санкционирования, адаптации и систематизации княжеской властью положений византийско-славянского церковного права для его введения в правовое пространство Древней Руси в раннем

кодифицированном виде. Этими актами в деятельности Российского государства систематизация источников церковного права Русской православной церкви выделяется как направление в законодательном процессе.

Подводя итоги рассмотренным вопросам, подчеркнем: право Русской православной церкви приходит в Древнюю Русь с принятием христианства княжеской властью и вхождением его в государственно-правовое пространство русского социума. Санкционирование властью славянско-византийских источников церковного права не ставит под сомнение возможность их применения в деятельности церковных учреждений в делегированных им государством функциях. Княжеская власть использовала византийские модели встраивания Церкви в государственно-правовую систему и опиралась на духовенство, которое в качестве носителей юридических знаний способствовало определению места церковного права в древнерусском праве и способствовало его развитию. Затем с развитием церковно-государственных отношений княжеская власть легализует положения церковного права в княжеских церковных уставах и грамотах, которые стали основой для государственного законодательства по делам Церкви в Древней Руси.

Список литературы

1. **Карташев А. В.** Очерки по истории Русской Церкви. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. Т. 1. 496 с.
2. **Кравченко Е. В.** Влияние византийских правовых норм на юридические памятники Древней Руси // *Философия права*. 2014. № 5. С. 120–124.
3. **Зуев Ю. П.** К истории государственно-конфессиональных отношений в России // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2009. Т. 27, № 1. С. 20–34.
4. **Томсинов В. А.** Рецепция римского права в Западной Европе в Средние века: к постановке проблемы // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 169–175.
5. **Красняков Н. И.** Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX в.): моногр. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2023. 460 с.
6. **Рогов В. А., Рогов В. В.** Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права. (Очерки IX – середины XVII вв.). М.: МГИУ, 2006. С. 269.
7. **Дорская А. А.** Памятники церковного права Древней Руси // *Памятники российского права*. В 35 т. М.: Юрлитинформ, 2013. Т. 1. С. 422–431.
8. **Кодан С. В.** Формирование системы законодательства в России (IX – середина XVII в.) // *Вестник Уральского института экономики, управления и права*. 2010. № 3. С. 14–21.
9. **Розенкамф Г. А.** Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М.: Общество истории и древностей российских при Императорском Московском университете, 1829. 753 с.
10. *История церковного устава // Настольная книга священнослужителя*. М.: Моск. патриархия, 1977. Т. 1. 768 с.
11. **Щапов Я. Н.** Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. 338 с.
12. **Щапов Я. Н.** Княжеские уставы и уставные грамоты. Введение. // *Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О. И. Чистякова*. М.: Юрид. лит.-ра, 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. Т. 1 / отв. ред. чл.-кор. АН СССР, д-р ист. наук проф. В. Л. Янин. 1984. 430 с.
13. *Устав князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных» // История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI века): хрестоматия в двух частях / сост. Ю. П. Зуев; под общ. ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. Ч. I: X – начало XX века*. М.: Изд-во РАГС; МедиаПром, 2010. 392 с.

References

1. **Kartashev A. V.** Essays on the History of the Russian Church. Moscow-Berlin, Direct Media Publishing House, 2020, vol. 1, 496 p. (in Russ.)
2. **Kravchenko E. V.** The Influence of Byzantine Legal Norms on the Legal Monuments of Ancient Rus. *Philosophy of Law*, 2014, no. 5, pp. 120–124. (in Russ.)
3. **Zuev Yu. P.** To the History of State-Confessional Relations in Russia. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, 2009, vol. 27, no. 1, pp. 20–34. (in Russ.)
4. **Tomsinov V. A.** Reception of Roman Law in Western Europe in the Middle Ages: to the Problem Statement. *IVS ANTIQVVM. Ancient Law*, 1998, no. 1 (3), pp. 169–175. (in Russ.)
5. **Krasnyakov N. I.** The Russian Empire: Experience of Managing National Regions (the Mid-17th – Early 20th Centuries): Monograph. Novosibirsk: NSU publ., 2023. 460 p. (in Russ.)
6. **Rogov V. A., Rogov V. V.** Old Russian Legal Terminology in Relation to the Theory of Law. (Essays on the 9th – mid-17th centuries). Moscow: MGUI publ., 2006, 269 p. (in Russ.)
7. **Dorskaya A. A.** Monuments of the Church Law of Ancient Russia // Monuments of Russian Law. In 35 volumes. Moscow: Yurlitinform publ., 2013, vol. 1, pp. 422–431. (in Russ.)
8. **Kodan S. V.** Formation of the Legislation System in Russia (IX – the middle of the 17th century). *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management, and Law*, 2010, no. 3, pp. 14–21. (in Russ.)
9. **Rosenkampf G. A.** Review of the Kormchaya Book in its Historical Form. Moscow: Society for the History and Antiquities of Russia at the Imperial Moscow University, 1829, 753 p. (in Russ.)
10. History of the Church Statute. In: *Handbook for Clergymen*. Moscow: Moscow Patriarchate, 1977, vol. 1, 768 p. (in Russ.)
11. **Shchapov Ya. N.** Princely Statutes and the Church in Ancient Russia. XI-XIV Centuries. Moscow: Nauka publ., 1972, 338 p. (in Russ.)
12. **Shchapov Ya. N.** Princely Statutes and Charter Documents. Introduction. In: *Russian Legislation of the 10th-20th Centuries: in 9 volumes*. Edited by O. I. Chistyakov, Doctor of Law, Professor. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1984. Vol. 1: Legislation of Ancient Russia. Vol. 1. Edited by V. L. Yanin, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of History, Professor. 1984. 430 p. (in Russ.)
13. Prince Vladimir Svyatoslavovich's Charter "On Tithes, Courts, and Church People". In: *History of State-Confessional Relations in Russia (X – Early 21st Century): Anthology in Two Parts*. Compiled by Yu.P. Zuev; Edited by Yu.P. Zuev and V.V. Schmidt. Part I: X – Early 20th Century. Moscow: RAGS Publishing House; MediaProm Publishing House, 2010, 392 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Хрущёв Сергей Викторович, аспирант кафедры публичного права юридического факультета Гуманитарного университета

Information about the Author

Sergey V. Khrushchev, Postgraduate Student of the Department of Public Law at the Faculty of Law at the Humanitarian University

*Статья поступила в редакцию 25.02.2026;
одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 13.04.2026*

*The article was submitted 25.02.2026;
approved after reviewing 10.04.2026; accepted for publication 13.04.2026*